

Алексей Митрофанов
Пятницкая

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Пятницкая. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Пятницкая. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904759-5

Улица Пятницкая — знатный московский бренд. «Трактир на Пятницкой» — известный и некогда культовый фильм. А в реальности таких трактиров было множество. Пятницкая олицетворяла жизненный нерв Замоскворечья, была по-столичному бойкой и людной. Вроде бы и Замоскворечье, а посмотришь повнимательнее — не совсем.

ISBN 978-5-44-904759-5

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

«Река Москва в четырехтрубном дыме»	6
Военное интендантство	10
Отель «На болоте»	12
Дом молодого Толстого	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пятницкая Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-4759-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Пятницкая – знатный московский бренд. «Трактир на Пятницкой» – известный и некогда культовый фильм. А в реальности таких трактиров было множество.

В Замоскворечье четыре основных радиальных улицы – Большая Якиманка, Большая Полянка, Большая Ордынка и Пятницкая. Первые три беспрекословно подчинялись жанру – были тихими, купеческими, сонными. Четвертая же, Пятницкая, олицетворяла жизненный нерв Замоскворечья, была по-столичному бойкой и людной. Вроде бы и Замоскворечье, а посмотришь повнимательнее – не совсем.

Мы же начнем свой маршрут, по традиции, несколько раньше, чем начинается собственно улица. На сей раз – от Раушской набережной.

«Река Москва в четырехтрубном дыме»

Электростанция МоГЭСа (Рауцкая набережная, 8) построена в 1897 году по проекту архитектора Н. Басиена и под руководством инженера В. Классона.

Путеводитель по Москве 1937 года сообщал: «На другом берегу Москва-реки – здание 1-й Московской Государственной электрической станции им. Смидовича. До 1917 г. это была единственная электростанция в Москве. 25 апреля 1912 г. рабочие этой станции (принадлежавшей обществу „Электрическое освещение“) объявили забастовку в знак протеста против ленских расстрелов. В октябрьские дни 1917 г. электростанция была одним из важнейших революционных пунктов Замоскворечья. 26 октября на станции был образован революционный штаб для руководства боевыми действиями. Охраняли станцию рота 55-го полка и красногвардейцы. За годы революции станция значительно расширена и реконструирована».

Соврали. И, как ни странно, не насчет революционного прошлого – здесь создатели путеводителя всего лишь несколько преувеличили значительность перечисляемых событий. Насчет того, что станция до революции была единственная. Собственно, первая московская электростанция была открыта на Большой Дмитровке в 1888 году. На момент написания путеводителя там размещался автобусный парк.

К этому зданию был равнодушен Михаил Светлов, посвятил ему, в частности, стихотворение под названием «Ночь»:

Пусть МоГЭС (уже в который раз!)
Об экономии пришлет предупрежденье, —
Я зажигаю, штрафа не боюсь,
Всю тысячу свечей стихотворенья...

Упоминал его и Мандельштам:

Река Москва в четырехтрубном дыме,
И перед нами весь раскрытый город:
Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное утро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули!

Четыре трубы – разумеется, образ. Труб больше. Но это не страшно. По Велимиру Хлебникову этих труб и вовсе три: «Я особенно любил Замоскворечье и три заводских трубы, точно свечи, твердой рукой зажженные здесь, чугунный мост и воронье на льду. Но над всем золотым куполом господствует выходящий из громадной руки светильник трех заводских труб, железная лестница вдоль полых башен ведет на вершину их, по ней иногда подымается человек – священник, свечой перед лицом из седой заводской копоти. Кто он, это лицо? Друг или враг? Дымописанный лоб, висящий над городом? Обвитый бородой облаков?»

И не новым ли черноокая Гуриэт Эль Айн посвящает свои шелковистые, чудные волосы тому пламени, на котором будет сожжена, проповедуя равенство и равноправие?

Мы еще не знаем, мы только смотрим. Но эти новые свечи неведомому владыке господствуют над старым храмом».

И в другом месте, тот же Хлебников: «Что украшает город? На пороге его красоты стоят трубы заводов. Три дымящиеся трубы Замоскворечья напоминают подсвечник и три свечи, невидимые при дневном свете. А лес труб на северном безжизненном болоте заставляет присутствовать при переходе природы от одного порядка к другому; это нежный, слабый мох леса второго порядка; сам город делается первым опытом растения высшего порядка, еще ученическим. Эти болота – поляна шелкового мха труб. Трубы – это прелесть золотистых волос».

Электростанция и будоражила, и навевала. Не удивительно – расположить такую мощную фабричную постройку прямо на берегу главной реки, прямо в центре столицы. «Электрические станции Могэса дымили, как эскадра», – писали Ильф и Петров. И подобное сравнение, конечно же, было вполне естественным и, в общем, ожидаемым.

А в 1924 году некто Арсений Авраамов задумал нечто совершенно невозможное. Он решил сыграть на этих трубах «Варшавянку» и «Интернационал», используя их в качестве классических органных труб – на всю Москву! Но затея реализовалась в сокращенном виде: большие трубы ему все же не доверили, ограничились малыми, невидимыми с берегов. А поскольку труб было немного, то пришлось внести в мелодию значительные изменения. В результате даже те, кто слышал произведения органиста-новатора, все равно не поняли, что именно он исполняет. Сам же Авраамов отчитывался перед публикой в журнале «Художник и зритель»: «Опыт сделан, сделан на скромные двадцать червонцев, отпущенные МК на все расходы. Это доказывает отсутствие в замысле утопического элемента. Затратив несколько большую сумму, приспособив к гудкам клавиатуру для сольного исполнения, мы сможем иметь грандиозный паровой орган, готовый к услугам Москвы в любой торжественный момент революционного быта. А быть может, внедримся и в бытовые будни, приветствуя „Интернационалом“ начало и конец каждого рабочего дня, оповещая столицу о точном времени и вообще вытесняя и заглушая колокольный звон старой культуры рабочим ревом гудков и сирен, самым тембром своим много говорящим пролетарскому сердцу».

К счастью, ничего подобного не вошло в московский быт.

Кстати, в Великую Отечественную трубы МоГЭСа вообще укоротили – ради конспирации. Полный же список работ был таков: «Гитлеровские летчики усиленно искали и, обнаружив, бомбили объекты энергетики. К сожалению, маскировка не всегда вводила в заблуждение врага. Да и как замаскировать, укрыть от глаз противника стоящие часто на открытом месте громадные здания электростанции, почти сплошь остекленные да еще с характерными трубами? Казалось, легче спрятать станцию среди городской застройки, но и здесь это было непросто. ГРЭС №1 на Раушской набережной стоит в ряду многоэтажных домов, но ее выдавали высокие трубы. Станция играла значительную роль в электроснабжении города и потому пользовалась большим вниманием воздушных пиратов. На нее пришлось 27 фугасных бомб и около 500 зажигательных. Это заставило еще раз серьезно задуматься над маскировкой. Радикальное решение было найдено: здание «надстроили» фанерным этажом, который укрыл его трубы. Бомбы сюда стали падать реже.

Оборудование станции защищалось траверсными стенками и другими специальными устройствами. Они оказались весьма эффективными – бомбы, попадавшие в здание, наносили повреждения, расстекляли станцию, но она продолжала питать город электроэнергией. Перерывы в работе не превышали нескольких часов. И не потому, что повреждения были незначительными. Самоотверженно, не считаясь с опасностью, не ожидая окончания налета, ликвидировали аварии вахтенный персонал и бойцы полка МПВО».

Такой вот необычный дом.

* * *

Рядом же, в доме №14 по той же Раушской набережной располагался клуб «Красный луч». В нем базировался театр-студия под руководством А. Л. Грипича. Правда, собственной сцены у театра не было, здесь проходили только репетиции. В 1935 году в репертуаре было только три спектакля – «Мещане» А. М. Горького, «Платон Кречет» Корнейчука и «Бот» Горева.

Любой из этих трех спектаклей в городе Москве стоил 1200 рублей, а с выездом из города – 1500.

«Красный луч» с годами превратился в ДК энергетиков. Там, среди прочего, произошла занятная история, рассказанная деятелем эстрады Арнольдом Гумницким: «В ДК энергетиков шел концерт, который вел Леонид Шипов (ныне эмигрировавший). В программе принимали участие довольно известные артисты: Рудаков и Нечаев, Дудник, Дивов и Степанова, только что ставший знаменитым своими «Оленями» Кола Бельды... Я в это время сидел в кабинете директора, с которым был в дружеских отношениях. Вдруг в концерте возникает какая-то пауза, и директор просит меня: «Арнольд, тут два номера самодеятельных должны быть, выйди пока, выступи». Как конферансье я уже числился в мастерской сатиры и юмора Мосэстрады, но самостоятельно еще ни одного концерта не провел. Выхожу на сцену, играю свой номер «Концерт на луне». Это стихотворная юмореска о том, как бригада артистов в составе Гаркави, Утесова, Бернеса, Тимошенко и Березина и других побывала в гостях у «лунян». Некоторые куплеты я позаимствовал у Юрия Филимонова, некоторые написал сам. Например, подражая Бернесу, я говорил и пел такой текст:

Среди городов на Луне
Оказался и город Одесса.
Из лунной Одессы приехали все
Послушать земного Марка Бернеса...

Закончил номер, а мне директор из-за кулис кричит: «Давай пародии!» И из зала слышу голоса: «Пародии. „Ворону и лисицу“!» Еще только придя на профессиональную эстраду, я уже знал, что неэтично исполнять чужие номера. Вот Дудник придумал номер с учительницей, которую соседи по коммуналке пытались выжить, на выручку пришел ее бывший ученик, ставший артистом. Он сыграл роль хулигана, который якобы хочет поменяться комнатами с этой учительницей. Номер потрясающий! А Райкин увидел его и сделал фильм. И все – номер пропал, больше Дудник его не показывал. А «Ворона и лисица» – тоже коронный номер Дудника. Но мне было жалко расставаться с той палитрой ярких образов, которой я довольно неплохо владел.

Я начинаю голосом Э. Гарина: «Вороне... где-то... бог... послал кусочек сыру...» В общем, понесло меня. Я уже не думаю, что скажет Дудник, все делаю точно так, как делает он... В зале смех, меня не отпускают со сцены. «Дорогие друзья, – закругляюсь я, – перед вами выступали самодеятельные артисты. А сейчас вы увидите настоящих профессионалов, мастеров эстрады...»

Я ушел в зал, концерт продолжает вести Шипов. Объявляет Дудника. Геннадий Михайлович показывает очень симпатичный и смешной номер про верблюда. Народ требует еще: «Пародии, пародии...» А Дудник не стал их делать – расстроился. Тут же за кулисами любящие всякие подначки артисты донесли ему, что его «Ворону и лисицу» уже пересказывал некто Гумницкий, и не без успеха».

На протяжении нескольких лет товарищ Дудник дулся на товарища Гумницкого. Такие уж у них, у королей эстрады, были нравы.

Здесь же в пятидесятые годы действовал джазовый клуб – один из лучших в стране. Правда, просуществовал он недолго – всего несколько лет.

А еще тут репетировал пусть и придуманный, но от того не менее прекрасный музыкант – Владимир Данилов, главный герой романа Владимира Орлова «Альтист Данилов». Эти репетиции были для него весьма важны: «Репетировали в утренние часы в зале Дворца энергетиков. Оркестранты были люди молодые, Данилов пришлось бы им старшим братом, по вечерам они работали кто где: кто в театрах, в том числе и драматических, кто в Москонцерте, кто в ресторанных ансамблях. Все они были недовольны своим теперешним положением, и то, что они были вынуждены исполнять на службе, им не нравилось. Душа их рвалась к большой музыке. Пусть за эту музыку и не платили. Все они, если разобраться, были юнцы, еще не утихшие, жаждущие простора и признания, уверенные в своих шансах сравняться с Ойстрахом, Рихтером, а кто – и с Бетховеном. Первый раз на репетицию Данилов ехал в ознобе, в ознобе он вышел и на сцену. Чувствовал, как смотрят на него оркестранты. Друг другу они уже знали цену. Данилов играл старательно, но, наверное, хуже, чем дома, да и не наверное, а точно хуже. Однако в оркестре лиц недовольных он не заметил. Но, естественно, и по пюпитрам стучать никто не стал. Отношение к нему было спокойное, как бы деловое. Ну, сыграл – и ладно. Данилов отошел в сторонку, присел на стул, опустил инструмент. Чудецкий с Переслегиным стояли метрах в пяти от него, говорили озабоченно, но не об его игре и не об игре оркестра и других солистов – валторны и кларнета, а о том, что симфония звучала сорок четыре минуты, Переслегин заметил время. Это много, считали они.

Данилов почувствовал себя одиноким на сцене, да и на всем свете. Ему стало холодно, будто он без шапки и в плаще оказался на льдине в полярных водах, ветер сбивал его с ног, подталкивал к трещине, становившейся все шире и страшнее. Яма в театре представилась сейчас Данилову местом спасения. «Что я лезу-то в калашный ряд!» – отругал себя Данилов.

Композитор Переслегин сказал ему: «Как будто бы ничего...» И все. Имел он в виду то ли игру Данилова, то ли свою музыку. То ли успокаивал Данилова, то ли успокаивал себя».

Но основные события лишь угадывались впереди.

Военное интендантство

Здание Кригс-Комиссариата (Космодамианская набережная, 24—26) построено в 1780 году по проекту архитектора Н. Леграна.

Кригс-Комиссариатом – на немецкий манер – в восемнадцатом веке называли военное интендантство. То есть огромный виртуальный склад, в стенах которого распределялось всевозможное военное имущество. А поскольку в нашем государстве на армии не экономили, то размеры имущества были нешуточными. Не удивительно, что, с одной стороны, многие стремились к службе в этом ведомстве, а с другой, карьера многих обрывалась здесь препровождением в военную тюрьму. Такой вот парадокс.

Здесь среди прочих служили Сергей Львович Пушкин – отец Александра Сергеевича, стихотворца, а также отец знаменитого зодчего М. Казакова. Стены Кригс-Комиссариата способствовали развитию талантов у детей.

При советской же власти здание Кригс-Комиссариата отошло к Московскому военному округу. И уже в этой, вполне социалистической организации служил легендарнейший кавалерист, командарм Первой Конной – Буденный. Казалось бы, кристальный человек, однако же была с ним в 1925 году довольно мутная история. Михаил Булгаков так ее описывал: «Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным. По рассказу – она угрожала ему, что выступит с разоблачением его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистером».

Действительность была другой, гораздо более трагичной, драматичной. Буденный оставил на столе пистолет, а спустя несколько минут в комнату вошла его супруга в сопровождении нескольких гостей. Настроение у нее было игривое, она смеялась и шутила, схватила пистолет, приставила его к виску. Буденный вошел в комнату, крикнул, что пистолет заряжен.

– Я боевая, умею обращаться... – это были последние слова супруги командарма. А дальше – выстрел. Случайность. Трагическая.

Но на карьеру Семена Михайловича все это не повлияло: слухи слухами, а компетентные граждане знали, как было дело, и только сочувствовали командарму.

Именно сюда доставлен был после ареста Лаврентий Берия. Его на всякий случай поместили в специальный бункер – чтобы не сбежал. Здесь же шло следствие. По воспоминаниям очевидцев, Берия вел себя омерзительно: то ругался, то запугивал следователей, то требовал себе женщину в бункер. А по углам двора были расставлены танки. Так, на всякий случай.

В древности же, при Анне Иоанновне здесь был дворец всесильного канцлера Бирона. Он тоже рассчитался за свою всесильность: в 1740 году был сослан. Правда, спустя два десятилетия, когда престол достался Петру Третьему, симпатизировавшему «немецким россиянам», Бирона вернули в столицы и даже в политику. Но эти двадцать лет страданий у Бирона, как говорится, не отнять.

* * *

Неподалеку же стояла церковь Николы в Пупышах, своим названием обязанная кочкам: местность здесь была болотистая. Она была своего рода достопримечательностью: на стене этого храма отмечали уровни московских наводнений. Рядом с церковью был домик, в котором в 1880-е квартировал художник Н. В. Неврев. В первом же этаже этого дома размещались квартиры извозчиков. Не особо требовательные в отношении комфорта, эти специалисты набивались человек по десять в комнату, а во дворе и перед домом были в художественном беспорядке разбросаны телеги, сани, сбруи, ржали лошади. Все это и угнетало художника, и придавало

ему вдохновения. Во всяком случае, его известная картина «Гончары» изображает именно вид из окна этого домика.

Сегодня же нет здесь ни церкви, ни домика.

Отель «На болоте»

Здание гостиницы «Балчуг» (улица Балчуг, 1) построено в 1898 году по проекту архитектора А. Иванова.

Гостиница «Балчуг» поначалу носила название «Новомосковская». Но и тогда, на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий, она была одной из самых фешенебельных в Первопрестольной.

Хотя местность к этому, мягко скажем, не располагала. В. Н. Харузина писала о своем московском детстве: «Вот прошли мост, заглянув на действительно противные, грязные волны Канавы, – и вот очутились в своеобразном мире рыбных и железных лавок. Меня так мучили в детстве запах рыбных лавок на Балчуге, запах рогож, пробок и трав, лязг железа, громыханье его, когда его складывали на телеги или везли, например, железные полосы, а они нижними концами издавали непрерывающийся звук, – весь своеобразный шум этой части „города“, что до сих пор, кажется, я не люблю этого места».

Постояльцам же отеля приходилось все это терпеть – за собственные деньги.

Впрочем, и сама гостиница не отвечала высочайшим требованиям. Публицист Лев Никулин писал: «В коридорах – угар от самоваров, в номерах – знакомый гостиничный, терпкий, застоявшийся запах».

Чай, Замоскворечье – не Париж.

В 1933 году отель стал «интуристовским». Здесь стали расселять дружественных иностранцев. В частности, именно здесь останавливался чешский журналист Юлиус Фучик, автор трагически знаменитого «Репортажа с петлей на шее». Одна из его современниц И. Радволина писала: «Все огромное московское небо, все красоты Кремля, Красной площади, набережной, которые отсюда, с высоты седьмого этажа гостиницы „Новомосковской“, прекрасно видны, все это он приобщил к своей, фучиковской жилплощади. „Мне сегодня показалось, что я и писать здесь стал лучше!“».

В 1957 году отель стал «Бухарестом». Справочник гостиниц тех времен писал, что гостиница рассчитана на 800 мест. А среди особенно привлекательных элементов инфраструктуры упоминались ресторан, парикмахерская, отделение связи, портновская мастерская, магазин «Кулинария» и буфеты на этажах.

И уже под конец двадцатого столетия отель получил исторически правильное название «Балчуг» – в честь той улицы, на которой находится. В переводе же с татарского Балчук – топь, грязь, болото. Именно здесь во времена Ивана Грозного устроен был особенный кабак для верных ему воинов-опричников. Другим же подданным этого государя употреблять спиртное было категорически запрещено. А здесь шли непрерывные пьянки.

Однако современным постояльцам этого отеля лучше воздержаться от подобных знаний.

* * *

Рядом же с гостиницей – церковь Георгия в Ендове, возведенная в 1653 году. Еще одно странное слово, связанное со здешним храмом. Словарь Даля дает следующее толкование этого слова: «Яндова, Ендова – низкая, большая, медная, луженая братина, с рыльцем, для пива, браги, меду; в ендове подают питья на пирах, она же есть в распивочных и кабаках, на кораблях и пр.».

Очевидно, что название – прямой наследник недоброй памяти опричных кабаков.

Дом молодого Толстого

Комплекс доходных домов купца Варгина (Пятницкая улица, 12—16) выстроен в разное время по проектам разных архитекторов.

Впрочем, идем на Пятницкую улицу. Первая значительная достопримечательность на ней – комплекс доходных домов купца Варгина. Неизвестно, в каком именно из этих зданий проживал в 1854—1855 годы Лев Николаевич Толстой. Но в каком-то точно проживал. Принято считать, что в том, где в наши дни располагается один из многочисленных музеев Льва Толстого. А до 1980 года находилась знаменитая на все Замоскворечье часовая мастерская.

Тридцатилетний подающий надежды писатель оставлял и родным, и приятелям свои новые координаты: «Адрес мой: на Пятницкой в доме Варгина». Все, в общем, незамысловато.

Все складывалось более или менее удачно. Лев Николаевич писал: «Для меня, я всегда замечал, самое лучшее время деятельности от генваря до весны, и теперь работаетя; но что выйдет, не знаю. На жизнь свою в Москве я не могу жаловаться. Хорошие люди есть, как и везде. Дома приятно, ежели бы только не нездоровье сестры. Она целую зиму страдает. Хорошая музыка даже есть, и теперь окончательно устраивается музыкальное общество под руководством Мортъе...

Был здесь обед в купеческом клубе, устроенный Кавелиным, по случаю эманципации. Были речи Каткова, Станкевича, Погодина, Кавелина, Павлова, Бабста и Кокырева. Только Павлова и Бабста речи были замечательны. Обед этот произвел озлобление во всей публике дворянской. Славянофилы не хотели участвовать в обеде. Да что я пишу это вам *vanitas vanitatum*, вроде звезд и чинов. Человек везде человек, то есть слаб».

В молодом офицере вовсю пробивались зачатки будущего длиннородого философа.

Лев Николаевич неутомим: «Отдаюсь работе 8 часов в сутки, а остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей». Он явно обустроивает не только свою нынешнюю, но и будущую жизнь.

И, разумеется, здешний, замоскворецкий антураж врывается в толстовские произведения. Вот, к примеру, ощущения юнкера Оленина, прощающегося с Москвой (повесть «Казачи»): «Все затихло в Москве. Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице. В окнах огней уже нет, и фонари потухли. От церковей разносятся звуки колоколов и, колыхаясь над спящим городом, поминают об утре. На улицах пусто. Редко где промесит узкими полозьями песок с снегом ночной извозчик и, перебравшись на другой угол, заснет, дожидаясь седока. Пройдет старушка в церковь, где уж, отражаясь на золотых окладах, красно и редко горят несимметрично расставленные восковые свечи. Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы.

А у господ еще вечер.

В одном из окон Шевалье из-под затворенной ставни противузаконно светится огонь. У подъезда стоят карета, сани и извозчики, стеснившись задками. Почтовая тройка стоит тут же. Дворник, закутавшись и съездившись, точно прячется за угол дома».

Сокровенное, сонное Замоскворечье.

Здесь же, кстати, проходило детство другого писателя, Леонида Леонова. Вид из окна его детства вошел в роман «Барсуки»: «Долго здесь сидел Сеня. Чуть не весь город лежал, распростертый внизу, как покоренный, у ног победителя. Огромной лиловой дугой, прошитой золотом, все влево и влево закруглялась река. Широкое и красное, как цветок разбухшей герани, опускалось солнце за темные кремлевские башни, пики и купола, многообразно и величественно стерегущие древнюю нетронутость Москвы.

Взметенная дневной суетой, оседала пыль, и уже жадней хватала Сенина грудь веянья холодеющего воздуха. А снизу источалась духота, жар, томящая, расслабляющая скука. Небо потухало, все больше походя на блеклую, выгоревшую на солнце синюю ткань. Все принимало лилово-синий отсвет ночного покоя, усугубляемый тучей, напозавшей с востока, медлительной и страшной, как гора, вывернутая ветром из своих скалистых лон. Ночь обещала грозу, и уже попыхивал молниями иссушенный московский горизонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.